

народных сказок XIX в., содержащих мотивы, характерные для сказок о Еруслане, отмечен текст № 1286 сборника А. Н. Афанасьева, но не указан текст № 161 того же сборника, частично отражающий сюжет о Еруслане в контаминации с сюжетом о трех подземных царствах — так же как и текст № 14 III выпуска «Белорусского сборника» Е. Романова. Кроме того, в IV выпуске «Белорусского сборника» (Витебск, 1891) есть два текста (№ 26 и 29), частично отражающие сюжет о Еруслане, не учтенные Л. Н. Пушкаревым. Из неучтенных им устных неславянских сказок, содержащих мотивы «Еруслана Лазаревича», отмечу башкирскую сказку «Етиген-батыр», вошедшую наряду с названным выше полным башкирским вариантом «Еруслана Лазаревича» («Тимерхан») в третий том сказок серии «Башкирское народное творчество». В перечне устных вариантов «Еруслана Лазаревича», данном в примечаниях к главе V монографии, 14 русских и один белорусский тексты, опубликованные до 1970 г. После 1971 г. опубликованы еще три русских устных сказки о Еруслане — в сборниках Е. И. Шастиной⁵, А. Разумовой и Т. Сенькиной⁶ и А. Кретьова⁷.

Кроме сказочных, в последней главе монографии чрезвычайно полно представлены былинные варианты «Еруслана Лазаревича». Они рассматриваются в связи с былинами об Илье Муромце и русским героическим эпосом в целом. В органическом родстве образов Ильи и Еруслана автор монографии справедливо усматривает свидетельство национального характера Еруслана.

В «Приложениях» к книге приведен старейший рукописный вариант сказки и дан перечень всех известных ее рукописных вариантов.

Несмотря на отдельные недочеты, книга Л. Н. Пушкарева, имеет актуальное значение как исследование, в котором охвачены неразработанные ранее вопросы истории культуры, связанные с русским фольклором, лубком, древней литературой. Написанная живо, компактно, она должна вызывать интерес у широкого читателя. Издание ее тиражом 95 000 экземпляров в научно-популярной серии АН СССР «Литературоведение и языкознание» вполне оправданно.

Л. Г. Баран

⁵ Шастина Елена. Сказки ленских берегов. Иркутск, 1971, № 6.

⁶ Русские народные сказки Карельского Поморья/Сост. Разумова А. П., Сенькина Т. И. Петрозаводск, 1974, № 15.

⁷ Народные сказки Воронежской области. Современные записи/Под ред. Кретьова А. И. Воронеж, 1977, № 3.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Steve Talbot. *Roots of Oppression: the American Indian question*. N. Y.: International Publishers, 1981, X+215 p.

Процессы, происходящие в жизни и культуре индейцев США под влиянием капитализма, привлекают внимание большого числа исследователей¹. Однако экономические аспекты этой проблемы изучены недостаточно, на что кроме субъективных причин имеются и объективные. Данные сюжеты оказались как бы на стыке исторического и этнографического изучения индейцев Америки. Как справедливо отмечает автор рецензируемой работы, большинство американских историков, специализирующихся по так называемому индейскому вопросу, считают его исключительно политико-правовым и игнорируют его экономическую основу (с. 51—52). К сожалению, этнографы, в том числе специалисты по аккультурации, также обошли вниманием эту тему, хотя в свое время, составляя примерную программу исследований по аккультурации, Р. Линтон выделил в ней особое направление — Non-Cultural Results of Contact, куда входило изучение места индейцев в системе современных экономических связей². В этом контексте представляет немалый интерес книга известного американского ученого-марксиста С. Тэлбота, заостряющая внимание на экономических корнях угнетения аборигенного населения.

Центральное место в исследовании отводится изучению хозяйственной жизни индейцев в настоящее время. При этом С. Тэлбот, не довольствуясь констатацией нынешнего бедственного положения индейцев, стремится выявить его истоки, объяснить причины застоя и упадка хозяйства коренного населения, приводящие к тому, что индейцы оказались в самом низу социальной структуры США. Как указывает автор, главной целью его был «анализ современных событий в свете их исторического развития с позиций марксизма» (с. VIII).

Возьмем, к примеру, эволюцию концепции суверенитета индейцев и правовой основы их землевладения. Согласно британским юридическим нормам эпохи колонизации Америки, коренные жители материка, индейцы, обладали суверенитетом и соответственно правом собственности на свои земли³. В первые десятилетия существования США эта традиция официально продолжала существовать. Наиболее четко ее сформулировал президент Д. К. Адамс (1825—1829), заявив, что «в основе отношений с ин-

¹ Из последних работ стоит упомянуть: Wax M. *Indian Americans: Unity and Diversity*. Englewood Cliffs, 1971.

² *Acculturation in Seven American Indian Tribes*/Ed. Linton R. Gloucester (Mass.), 1963, p. X.

³ *Cohen F. Handbook of Federal Indian Law*. Washington, 1941, p. 43.

дейцами положен принцип считать их... независимыми собственниками своих земель»⁴. Указанный этап индейской политики федерального правительства получил название «договорный период». Однако развитие экономики страны и имманентно присущая природе капитализма тенденция территориального роста обратили взоры белого населения на западные земли, заселенные индейцами. Это привело к пересмотру политической традиции: в 1830 г., верховный судья Д. Маршалл вынес решение об ограниченном суверенитете индейских народов в пределах США, из чего следовало, что они обладали не абсолютным (plenary) правом земельной собственности, а лишь правом владения (possesory)⁵. И хотя окончательно суверенитет индейцев был ликвидирован лишь в 1871 г., решение Д. Маршалла сделало возможным принятие закона о переселении индейских племен (1830 г.), в результате которого индейцы были лишены своих земель, лежавших к востоку от 98° зап. долготы, и закона Дауэса (1887 г.), разделившего общинные владения на индивидуальные участки — аллоты. Эти сложные проблемы анализируются автором в главе «Суверенитет индейского населения» (с. 29—50). С. Тэлбот подчеркивает: начиная с 30-х годов прошлого века, правящие круги США на практике отказались от признания за индейцами права на свои исконные земли, что являлось прямым нарушением американской конституции (с. 40). Это давало возможность легальным путем лишить коренное население земельной базы. И даже принятый неолиберальный закон Уилера — Ховарда (1934 г.), ограничивавший расхищение остатков общинных владений индейцев, и Акт о гражданских правах индейцев (1968 г.) не смогли в корне изменить эту тенденцию, ибо они ввели ряд других ограничений на права индейцев, не налажавшихся на остальных граждан, — делает вывод автор (с. 45—46).

С данной проблемой тесно связан вопрос о так называемой внутренней экспансии, т. е. о роли индейских земель в экономическом развитии Соединенных Штатов, который, по оценке, данной в индейском журнале «Эквесэн Ноутс», как правило, игнорируется большинством американских ученых⁶. С. Тэлбот подходит к этому иначе. Его исходный тезис — «экспансия в индейские территории велась с целью превращения их в частную собственность правящих кругов Америки» и была в определенном смысле первоначальным накоплением капитала (с. 81). Далее, в главе «Индийская граница в истории США» (с. 78—100) автор показывает, что со времен войны за независимость и до конца XIX в., когда индейцы были локализованы в резервациях, принадлежавшие им земли всегда являлись для американского капитализма территориальным и сырьевым резервом (с. 86). С. Тэлбот дополняет традиционное понимание места «подвижной границы» и общественных земель в американской истории утверждая, что в тот период общественные и индейские земли были практически одним и тем же, и западные территории считались «свободными» только потому, что за их исконными жителями отрицалось право владения землей (с. 96—100). Поэтому представляется справедливым мнение автора, что хозяйственное освоение белым населением новых ареалов являлось в то же время политикой геноцида по отношению к аборигенному населению (с. 93).

Исследованию процесса захвата индейских территорий посвящена глава «Факторы обезземеливания» (с. 101—115). В американской исторической литературе бытует мнение, будто основной причиной, толкавшей федеральное правительство на депортацию индейского населения в резервации, был рост населения США и, в частности, приезд большого числа иммигрантов из европейских стран, последовавший после гражданской войны 1861—1865 гг.⁷ Основываясь на детальном и подробном анализе фактов, С. Тэлбот справедливо утверждает, что главными виновниками обезземеливания коренных жителей были крупные капиталистические предприятия: железные дороги, строительные компании, а также скотопромышленники и земельные спекулянты (с. 105—111). Что касается мелких фермеров — непосредственных участников войн против индейцев, то, хотя и на них лежит определенная доля вины, им «была уготована роль рядовых, тогда как роль генералов была присвоена земельным воротилам» (с. 101). Таким образом, автор показывает, что корни нынешнего угнетенного положения индейцев уходят в глубь американской истории и лежат не в сфере конфликта культур или ценностных ориентаций индейского и белого населения⁸, а в лишении коренного населения земельной базы для его равноправия. И хотя интерпретация автором ряда моментов (речь о них пойдет ниже) истории индейцев США вызывает определенные возражения, изучение названной проблемы в широком контексте истории американского государства является, несомненно, сильной стороной книги.

Обращаясь к современному положению индейцев, С. Тэлбот показывает бедственное состояние резервационного хозяйства как результат действия различных экономических и политических факторов. Главное внимание в главе «Индийская граница сегодня» (с. 117—142) уделяется проблеме сокращения земель коренного населения в настоящее время. Факт, что земельный фонд аборигенного населения Америки постоянно уменьшается, общезвестен. Однако особенность этого процесса заключается в том, что сокращение происходит не столько путем прямого отчуждения, сколько вследствие хозяйничанья в индейских землях энергетических, лесозаготовительных и других компаний. Ведя хищническую разработку природных ресурсов методами открытой до-

⁴ A Compilation of the Messages and Papers of Presidents 1789—1892/Ed. *Richardson J.* Washington, 1896, v. 2, p. 415.

⁵ Documents of U. S. Indian Policy/Ed. *Prucha F.* Lincoln (Nebraska), 1975, p. 58, 59.

⁶ Akwesasne Notes, 1981. Winter, N 1, p. 28.

⁷ *Washburn W.* The Indian in America. N. Y., 1975, p. 165—169.

⁸ *Wax M.* Op. cit., p. 195; *Nagel G.* Economics of the Reservation.— Current History, 1974, v. 67, № 400, p. 249.

бычи, «предприниматели оказывают губительное воздействие на окружающую среду и делают эти территории непригодными для дальнейшего хозяйственного использования»⁹. На основании статистических данных (детальных и подробных), полученных в резервациях Пит Ривер и Клэмс, автор демонстрирует, как, оставаясь формально во владении индейского населения, наиболее ценные в экономическом плане земли незаметно переходят в руки промышленных конгломератов (с. 131—139). При этом С. Тэлбот указывает, что подобный оборот событий возможен лишь благодаря политике федерального правительства, выражающей интересы монополий, основы которой были заложены программой терминации начала 50-х годов (с. 125, 141—142).

То же можно сказать и о позиции правительства США при решении так называемых земельных претензий, выдвигаемых индейскими племенами к различным штатам. В то время как представители буржуазной прессы трактуют позитивное завершение некоторых дел по выплате денежной компенсации индейскому племени как большой успех индейского населения или как образец нового справедливого подхода правительства к индейской проблеме¹⁰, автор показывает, что выплата денежной компенсации вместо восстановления прав племени на владение землей является, по сути дела, продолжением реакционной политики терминации, официально отмененной в начале 60-х годов (с. 126).

Проблема использования коренным населением природных ресурсов своих резерваций исследуется в главе «Экономическое ограбление» (с. 143—175). Согласно официальным данным, резервации обладают большими месторождениями полезных ископаемых: на их территориях находятся 65% разведанных запасов урановой руды, 35% угля, почти 7% нефти и газа. Размеры запасов альтернативных источников энергии — сланца и геотермальной энергии — точно не определены, но предполагается, что они там весьма значительны. По мнению Р. Уилсона, возглавляющего отдел энергетики Бюро по делам индейцев (БДИ), эти запасы в пересчете на единицу энергетического эквивалента могут дать в день 642 тыс. баррелей топлива¹¹. Другими словами, естественные ресурсы индейских земель могли бы, безусловно, стать основой улучшения положения их жителей. Но, как показывает С. Тэлбот, индейцы получают лишь 1/18 часть стоимости продукции, производимой в их территориях (с. 145). Причины этого заключаются в том, что аборигенам не принадлежат средства производства, они даже не в состоянии контролировать деятельность корпораций, эксплуатирующих их богатства за весьма умеренную арендную плату (с. 148). Несомненно важность этого вывода автора, который позволяет понять, почему, вопреки объективным предпосылкам, жизненный уровень индейцев, несмотря на относительное его повышение, продолжает оставаться крайне низким.

Наконец, нельзя не отметить мнения С. Тэлбота относительно перспектив развития резервационного хозяйства. Хотя индейское население даже в нынешних условиях в состоянии — посредством разработки программ рационального использования ресурсов, увеличения арендной платы, более эффективного использования средств массовой информации и правовых органов для контроля над деятельностью корпораций — улучшить свои жизненные условия, истинное решение индейского вопроса может быть достигнуто только путем ликвидации дискриминации и установления подлинного равноправия всех национальных меньшинств. В этом отношении цели индейского движения смыкаются с задачами рабочего класса и других прогрессивных сил, ведущих борьбу против гнета монополий (с. 168).

Подобное аргументированное изложение причин экономического и политического угнетения коренного населения США и анализ различных процессов, идущих в его среде в настоящее время, — большая заслуга автора.

Ценность исследования С. Тэлбота увеличивается благодаря большим информационно-справочным материалам о различных индейских организациях, действующих в настоящее время в США, и о важнейших этапах истории сопротивления индейцев федеральной политике (с. 11—16).

В заключение остановимся на отдельных погрешностях работы. Самым спорным моментом является недостаточно четкое представление автора о внутрисоциальной дифференциации современных индейских общин. Хотя на с. 61, 62, 69 С. Тэлбот упоминает о существовании «индейской бюрократии», к которой он относит многих вождей племен, а также индейцев, работающих в Бюро по делам индейцев, в целом из его книги вытекает представление об общинах как об однородных в социальном плане институтах. А между тем в общинах давно уже появились зажиточные слои, тяготеющие к окончательной ликвидации общинного правопорядка, эксплуатации соплеменников, участием в капиталистической экономике США¹². Именно эта часть индейского населения, активно сотрудничающая с Бюро по делам индейцев и другими государственными организациями в рамках правительственных программ, была и продолжает оставаться проводником федеральной политики среды аборигенов. Эти слои поддерживали программу терминации и, наоборот, были в оппозиции к либеральным положениям закона Уилера — Ховарда. Из этой среды в настоящее время выходят предста-

⁹ См. Daily World, 1980, June, 18.

¹⁰ Observer, 1980, July 6; New York Times, 1979, August 4, October 2; U. S. News and World Report, 1979, May 28, № 21, p. 68.

¹¹ International Herald Tribune, 1978, August 10; New York Times, 1979, August 4; Observer, 1980, July 6.

¹² См. подробнее: *Аверкиева Ю. П.* Род и община у алгокинов и атапасков американского Севера. — В кн.: *Разложение родового строя и формирование классового общества.* М.: Наука, 1968.

вители индейской буржуазии, зачастую обладающие значительным состоянием¹³. Без учета этих факторов исследование отношения коренного населения к программам экономического развития резерваций страдает односторонностью (с. 58, 75, 114, 119).

Имеется в книге ряд неточностей общен исторического плана. Например, автор, к сожалению, не подчеркивает ту негативную роль, которую играли рабовладельческие штаты Юга в захвате индейских территорий до гражданской войны (с. 93—98). Излишний схематизм сопоставления джефферсоновской и джексоновской демократии привел к тому, что стерлась разница во взглядах на решение индейского вопроса буржуазного демократа Т. Джефферсона и яркого сторонника захвата индейских земель Э. Джексона (с. 39, 96). Вызывает сомнение приводимая без комментариев цитата о том, что «тайной целью железнодорожного строительства было уничтожение племенных органов власти и захват резерваций» (с. 110). Неверно также, что закон Дауэса ликвидировал племенное владение землей в Оклахоме (с. 110): положения этого закона не распространялись на индейцев, живших в этом районе, что специально оговаривалось в ст. 8 указанного закона. Раздел земель в Оклахоме проводился по принятому впоследствии закону Куртиса (1898 г.).

Впрочем, перечисленные недостатки не снижают в конечном счете ценности монографии С. Тэлбота, которая не только прослеживает корни угнетения индейцев США и выявляет недавно появившиеся социальные характеристики жизни коренного населения, но и по-новому интерпретирует известные факты индейской политики США.

В. Г. Стельмах

¹³ Washburn W. Op. cit., p. 255; Final Discharge Certain Individual Indians. Hearing before the Committee on Indian Affairs. 76 Congress. I Session. Senate, S. R. 2206, Washington, 1939, p. 12—14.

Duverger Ch. La fleur létale: économie du sacrifice aztèque. Paris, 1979. 256 p., ill., bibl.

Рецензируемая работа — вторая из недавно появившихся книг К. Дюверже¹. Обе эти публикации близки не только по времени выхода в свет, но и по той исходной идее, которая в них развивается. Однако, по нашему мнению, эту основную идею нельзя в целом считать удачной. Дело в том, что книга К. Дюверже принадлежит к числу тех работ, где при анализе древнего общества используются самые современные термины, понятия и теории, в том числе, как в данном конкретном случае, естественнонаучные. Это, как правило, ведет к известной вульгаризации исследования. Иными словами, автор пытается объяснить как деятельность, так и представления древних мексиканцев, используя такие понятия, как «энергия» и «энтропия». Сущность мира, по представлениям ацтеков, согласно К. Дюверже, сводится к совокупности энергетических сил. Каждый элемент мира — это деталь в своего рода организме, где движущим началом является энергия. Более того, мир — это как бы система «зубчатых колес», взаимосвязанных и взаимовлияющих (с. 34). Значит, нет существенной разницы между обществом и природой: подобно тому как естественный мир подвержен энергетическому «износу», «истощению», социальные силы при определенных обстоятельствах могут нарушаться и распадаться (с. 215). Иначе говоря, энтропия, как понятие, обозначающее меру беспорядка и «утечки», «исчерпания» энергии, по рассуждению К. Дюверже, применимо ко Вселенной в целом, к обществу и даже к каждому отдельному человеку. Древних мексиканцев, согласно утверждению автора работы, настойчиво преследовала идея опасных последствий затухания энергетических сил в природе и в обществе. Именно под этим знаком и была якобы организована вся их жизнь.

Конечно, сами по себе энергия и энтропия суть абсолютно научные понятия и оспаривать их было бы нелепо, однако нам кажется, что применять эти категории в прямом их значении к безусловно специфическим общественным явлениям, как это делают некоторые ученые, рискованно и малопродуктивно.

Как бы то ни было, в первой части работы, озаглавленной «Ацтекская концепция мира», энергетическая идея развивается применительно к космогонии древних мексиканцев, и прежде всего к знаменитому представлению о пяти мировых периодах. Согласно известному оригинальному повествованию ацтеков, мир пережил четыре больших периода, или Солнца, завершившихся мировыми катаклизмами. Древние ацтеки и их современники, согласно этой концепции, жили в пятом мировом периоде, который также в будущем должен закончиться трагически. У К. Дюверже это представление рассматривается как одно из важнейших подтверждений все той же идеи энтропии, «энергетического истощения» мира. Ацтеки, утверждает он, стремившиеся узнать, когда случится этот очередной, пятый энергетический «распад» мира, производили различные временные расчеты. Так появились их знаменитые календарные циклы, и прежде всего известный 52-летний временной период, представляющий собой ничто иное, как определенный энергетический цикл. В конце каждого такого периода древние мексиканцы, ожидая конца мира, совершали многочисленные религиозные церемонии. Но так как конец мира не наступал, люди начинали новый 52-летний период, связывая с началом счета лет знаменитую церемонию зажжения «нового огня». По К. Дюверже, сама эта процедура, во время которой главный жрец зажигал новый огонь, была подтверждением все той же энергетической идеи: с помощью палочек для высекания огня жрец, по его выражению, «пытался вновь „заманить“ энергию на новый период» (с. 44).

¹ Duverger Ch. L'esprit du jeu chez les aztèques. P., 1978.